

Их было много сотен, много тысяч —
Мужчин и женщин, юных и седых.
О, если только мог бы в сердце высечь
Я имена неведомые их
Письмом каленым, явным иль незримым!

Давно все эти люди стали дымом.
И хоть с тех пор летел за годом год,
И нынче мука их неугасимым
Горит огнем и нашу совесть жжет,
Она горит открыто или скрытно.

Земля впитала кровь, следов не видно,
На старом камне новая трава.
Но сердце у меня болит, мне стыдно
Ходить, дышать и рифмовать слова.
Бывает: память с жизнью несовместна.

На кладбище старинном камню тесно.
Сам среди камня рос я с малых лет.
Мне потому доподлинно известно,
Что от беды и камень вопиет.
Как он седеет, видел я воочью.

Зашито все, что превратилось в клочья,
Заплатаны дырявые места,
Но слышно, как Европа стонет ночью,
Не оттого ль, что совесть не чиста?
Здесь и земля и небо — сплошь могила.

Так много было их, живых и милых,
Так много раз оплаканных с тех пор.
Земля, не забывай о том, что было,
Вновь не бросай сама себя в костер,

Чтоб гибели избежать неминуей!

Я расскажу об этом горе жгучем
Своим родимым скалам, и тогда
На эти скалы ляжет черной тучей,
Как мне на сердце, жгучая беда.
Земля, мне страшно! Стань добрей и лучше,
Не повтори такого никогда!

1966